

Людмила Вовченко

**Лишняя дочь или шулер в
монастыре.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9

ББК 84-445

Л93

Людмила Вовченко

Л93

Лишняя дочь или шухер в монастыре. / Людмила Вовченко – М.: Lennex Corp,
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 244 с.

ISBN 978-5-524-06331-1

Аннотация

Когда тебе почти сорок, жизнь уже не обещает чудес.

Работа, где приходится командовать мужиками, бесконечные проблемы, усталость, пара лишних килограммов и стойкое ощущение, что романтика — это что-то из чужих фильмов.

И уж точно не ожидаешь однажды открыть глаза... в монастыре.

Причём не просто в монастыре, а в теле юной благородной девицы, которую заботливые родственники отправили туда навсегда, чтобы не делить наследство.

Семнадцать лет, ангельская внешность, послушница на испытании и впереди — постриг.

Проблема только одна.

Новая хозяйка этого тела — женщина из XXI века с характером прораба, сарказмом уровня «не подходи — убьёт словом» и привычкой решать проблемы быстро, громко и эффективно.

Монастырская жизнь?

Тихая молитва?

Смирение?

Очень смешно.

Потому что уже через несколько дней в монастыре начинаются странные вещи:

— на кухне появляется порядок;

— в аптекарском саду начинают расти травы «по науке»;

— монахини внезапно узнают, что такое учёт запасов;

— а настоятельница начинает подозревать, что Господь прислал им не послушницу, а стихийное бедствие.

Но настоящие проблемы начинаются позже.

ISBN 978-5-524-06331-1

© Lennex Corp, 2026
© Людмила Вовченко, 2026

Людмила Вовченко

**Лишняя дочь или шухер в
монастыре.**

УДК 82-312.9

ББК 84-445

Л93

Людмила Вовченко

Л93

Лишняя дочь или шухер в монастыре. / Людмила Вовченко – М.: Lennex Corp,
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 300 с.

ISBN 978-5-524-06331-1

Аннотация

Когда тебе почти сорок, жизнь уже не обещает чудес.

Работа, где приходится командовать мужиками, бесконечные проблемы, усталость, пара лишних килограммов и стойкое ощущение, что романтика — это что-то из чужих фильмов.

И уж точно не ожидаешь однажды открыть глаза... в монастыре.

Причём не просто в монастыре, а в теле юной благородной девицы, которую заботливые родственники отправили туда навсегда, чтобы не делить наследство.

Семнадцать лет, ангельская внешность, послушница на испытании и впереди — постриг.

Проблема только одна.

Новая хозяйка этого тела — женщина из XXI века с характером прораба, сарказмом уровня «не подходи — убьёт словом» и привычкой решать проблемы быстро, громко и эффективно.

Монастырская жизнь?

Тихая молитва?

Смирение?

Очень смешно.

Потому что уже через несколько дней в монастыре начинаются странные вещи:

— на кухне появляется порядок;

— в аптекарском саду начинают расти травы «по науке»;

— монахини внезапно узнают, что такое учёт запасов;

— а настоятельница начинает подозревать, что Господь прислал им не послушницу, а стихийное бедствие.

Но настоящие проблемы начинаются позже.

ISBN 978-5-524-06331-1

© Lennex Corp, 2026

© Людмила Вовченко, 2026

Пролог

Пролог

В шесть утра Болонья пахла мокрым камнем, кофе и упрямством.

Последнее, впрочем, исходило от Ливии Беллини.

Она стояла посреди строительной площадки в потёртых рабочих ботинках, в оранжевой жилетке поверх тёмной куртки, с планшетом под мышкой, с карандашом за ухом и таким выражением лица, будто Господь лично опоздал на объект и сейчас будет получать.

Небо над городом ещё только светлело. Краны вытягивались над кварталом, как костлявые жирафы. В воздухе висела известковая пыль, запах сырого бетона и железа, мокрых досок и дешёвых сигарет. Рабочие подтягивались по одному, стараясь не смотреть на начальницу слишком прямо. Те, кто работал здесь дольше месяца, знали: если Беллини молчит — это не значит, что всё хорошо. Это значит, что она ещё не выбрала, кого именно сожрёт первым.

— Джино, — сказала Ливия, не повышая голоса.

Седой мастер, который пытался проскочить мимо неё боком, вздрогнул так, будто его окликнул налоговый инспектор.

— Да, синьора Беллини?

— Почему у тебя люди таскают мешки с цементом через проход, где я вчера велела убрать арматуру?

— Мы... уже почти...

— Джино, ты женат двадцать семь лет, пережил трёх прорабов, две реконструкции и инфаркт. Не позорь седины словом “почти”. Или проход свободен, или я тебя лично этой арматурой к ограде приколочу, как объявление.

Рабочие, которые делали вид, будто заняты разгрузкой, дружно уткнулись в землю.

Ливия хмыкнула. Её знали. Её боялись. Её уважали. Иногда в таком порядке, иногда в обратном. Она не была красавицей, и уж тем более не пыталась ею быть. Тридцать восемь лет, крепкие ноги, широкие плечи, полноватая фигура, короткая стрижка цвета тёмного каштана, лицо открытое, выразительное, без кокетства, зато с ясным, тяжёлым взглядом человека, который видит халятуру за двадцать метров и по звуку определяет, кто врёт.

Когда-то одна сердобольная тётя сказала ей: — Ливия, если бы ты была помягче, мужчины бы к тебе тянулись.

Ливия тогда посмотрела на тётю и ответила: — Если я буду помягче, мне на шею сядут не мужчины, а весь строительный сектор Эмилии-Романьи. Тётя обиделась. Строительный сектор — нет.

— Марко! — рявкнула Ливия, заметив, как молодой каменщик делает вид, будто несёт пустое ведро с философским достоинством древнего римлянина. — Ты что так ползёшь? У тебя ведро пустое, а лицо как у святого мученика.

— Спина, синьора Беллини.

— У тебя не спина. У тебя лень и актёрский талант. Иди работать, театрал.

Марко, которому было двадцать четыре и который в присутствии Ливии забывал половину итальянского словаря, поспешно нырнул за штабель кирпича.

Она проводила его взглядом и буркнула себе под нос:

— Мадонна милосердная, одни дети, старики и романтики. Нормальных мужиков в стране больше не выпускают, что ли?

Её слышал только собственный термос. Термос, впрочем, был вещью надёжной и не спорил.

Ливия Беллини была из тех женщин, которые не рождаются — их выковывают. Отец работал сварщиком, мать — продавщицей на рынке. Денег дома никогда не водилось много, зато водились характер, привычка всё чинить собственными руками и убеждение, что нытьё не оплачивает счета. Ливия с детства знала вкус дешёвого кофе, запах гаража, тяжесть ящиков с овощами и цену фразе “сама справлюсь”. Училась она неплохо, но университет остался для детей тех семей, где не считали мелочь до зарплат. Ливия пошла на курсы, потом помощницей на стройку, потом мастером, потом тем человеком, которого звали в самые неприятные дни, когда что-то трещало, задерживалось, рушилось или разворачивалось. И она справлялась.

Громко. Грубо. Иногда нецензурно. Но справлялась.

Её кабинет в бытовке был похож на логово очень сердитой богини порядка. На одной стене — чертежи и графики, на другой — расписания поставок, список штрафов и жирная надпись маркером: НЕ ВРАТЬ ЛИВИИ. Ниже кто-то когда-то подписал: ОНА ВСЁ РАВНО УЗНАЕТ.

Ливия этот лозунг не стирала. Он был полезен.

К восьми утра объект уже гудел. Где-то визжала болгарка, где-то спорили из-за поддонов, где-то ругался водитель бетономешалки. Ливия шла по площадке быстрым шагом, тяжело, уверенно, с той особой поступью, которая вырабатывается у людей, привыкших идти туда, где проблема, а не туда, где приятно. Её окликали, спрашивали, пытались юлить, жаловаться, оправдываться.

— Синьора Беллини, поставщик говорит, что плитка будет завтра!

— А я говорю, что если её не будет сегодня, то завтра он будет есть свою накладную.

— Синьора Беллини, тут в смете ошибка!

— Это не ошибка, это Паоло думал головой. Удивительно, но иногда с ним такое случается.

— Синьора Беллини, рабочие из второй бригады не хотят разгружать леса.

— Тогда пусть учатся летать. Без лесов им скоро пригодится.

К полудню солнце выбралось из облаков, и пыль заиграла золотом.

Болонья, древняя, кирпичная, арочная, тёплая, жила вокруг своим собственным ритмом. Красноватые стены домов, узкие улицы, запах соуса из ближайшей trattoria, звон чашек в баре за углом, студенты, велосипеды, старушки с сетками, туристы, задравшие головы к башням.

Ливия любила этот город суровой, неразговорчивой любовью. Болонья была не слишком красивой, если смотреть открытками, но прекрасной, если жить внутри: в её подъездах с облупленной краской, в дождях по брусчатке, в рынке, где продавец рыбы орёт на тебя так, будто вы вместе воевали, а потом съёт лучший кусок дорадо “для красивой синьоры”, имея в виду не

лицо, а характер.

— Красивой, как же, — бурчала Ливия в таких случаях, забирая рыбу. — Не лести, мошенник.

— Я не лщу, синьора Беллини, я выживаю, — отвечал рыбак.

Мужчины вообще при ней чаще выживали, чем ухаживали.

Когда-то был один, осмелившийся.

Эцио.

Считал себя смелым, потому что работал электриком и носил кожаную куртку даже в июле. Он ухаживал за Ливией так, будто приручал волчицу: приносил ей кофе, не спорил, хвалил её ум, даже однажды сказал, что ему нравятся женщины “содержательные”.

— Я не суп, чтобы быть содержательной, — ответила Ливия.

Но Эцио не сдался. Вытащил её два раза в ресторан, один раз в кино и даже пережил знакомство с её матерью, которая смерила его взглядом и сказала: — Ты либо женись быстро, либо не морочь девочке голову.

Девочке тогда было тридцать семь. Эцио пообедал.

На шестой день отношений он застал Ливию дома с рулеткой, списком расходов и видео о гидроизоляции террас.

— Ты в субботу смотришь ролики про гидроизоляцию? — спросил он, будто обнаружил человеческие жертвоприношения.

— А когда мне их смотреть, в понедельник на совещании? — искренне удивилась Ливия.

На седьмой день он сбежал.

Очень вежливо, конечно. Написал длинное сообщение о том, что она “потрясающая женщина”, “слишком сильная”, “заслуживает мужчину под стать”, а он, видимо, мужчина не под стать, а так, приложение к кожаной куртке.

Ливия прочитала сообщение, фыркнула и пошла доделывать отчёт по поставкам.

С тех пор её личная жизнь официально состояла из трёх лиц: работа, дом и усталость. Иногда к ним присоединялась пицца.

В тот день всё шло как обычно — то есть плохо, шумно и с претензией на катастрофу. После обеда выяснилось, что подрядчик по окнам прислал не те размеры. Потом муниципальный инспектор решил приехать именно сейчас. Потом один из рабочих умудрился пролить краску на свежую штукатурку. Потом бухгалтерия прислала письмо, в котором спрашивала, нельзя ли “немного сократить закупку защитных перчаток”.

Ливия прочитала письмо, закрыла глаза и тихо, почти нежно сказала: — Конечно можно. И каски тоже. Пусть они там в офисе сидят голыми и лвят скрепки лбом.

К шести вечера у неё ныла шея, горели ступни и дергался глаз. Она отпустила бригады, закрыла последние бумаги, сунула планшет в сумку и пошла к выходу через временную столовую для рабочих — длинное помещение с пластиковыми столами, кофемашиной, облезлым холодильником и вечным запахом томатного соуса, жареного масла и мокрых курток.

В столовой было пусто, только уборщица уже мыла пол, ворча себе под нос на молодёжь, которая не умеет доносить корки от пиццы до мусорного ведра.

— Добрый вечер, синьора Роза, — сказала Ливия.

— Добрый, если бы. Смотрите под ноги, синьора Беллини, я тут намыла.

— Смотрю, смотрю, — отозвалась Ливия и тут же наступила на что-то мягкое.

Банановая кожа.

Самая натуральная. Жёлтая. Унизительно комичная.

Мгновение было длинным, как налоговый отчёт.

Сначала Ливия почувствовала, как нога уходит вперёд. Потом увидела потолок. Потом успела подумать: “Нет. Нет. Только не так. Только не банан. Я же не персонаж дешёвой комедии”.

Потом мир взмахнул перед глазами столами, лампами, серой плиткой и очень испуганным лицом синьоры Розы.

Затылок ударился об пол так, что в голове вспыхнул белый свет.

Чей-то голос крикнул: — Мадонна!

Ливия открыла рот, собираясь сообщить миру всё, что думает о бананах, уборке, судьбе и человеческом достоинстве, но не успела.

Темнота пришла быстро. Без церемоний.

Последней её мыслью было: “Только попробуйте сказать на моих похоронах, что я умерла на рабочем посту. Я вас с того света прокляну”.

Сначала был запах.

Не боль, не свет, не страх. Запах.

Воск. Сырость. Старое дерево. Кисловатая ткань. Травы — сушёные, пыльные, неаппетитные. И ещё что-то лекарственное, тёплое, сладковато-горькое, как настой, который впаривают детям и больным с одинаковым лицемерием.

Ливия сморщила нос ещё до того, как открыла глаза.

“Больница”, — подумала она сонно.

Но больницы так не пахнут.

Современные больницы пахнут антисептиком, резиной перчаток, кофе из автомата и нервами. А тут пахло... как будто она очулась внутри старого сундука, набитого свечами, полотном и сушёным сеном.

Она попыталась пошевелиться и ощутила, что лежит на чём-то твёрдом. Не на больничной койке. Не на диване. Слишком узко, слишком жёстко. Под спиной — набитый соломой тюфяк или что-то вроде

того. Под щекой — грубая ткань. Воздух прохладный. Где-то рядом кто-то шепчется.

Ливия приоткрыла глаза.

Над ней был потолок из тёмных, старых балок. Не крашенный. Не белёный. Угол комнаты уходил в полумрак. В узкое окно, похожее скорее на бойницу, лился бледный дневной свет. На стене висел деревянный крест.

Ливия закрыла глаза.

Потом открыла снова.

Крест никуда не делся.

— Если это тематический отель, — пробормотала она хрипло, — то у меня к менеджменту очень много вопросов.

Возле кровати охнули.

Ливия повернула голову.

На неё смотрели три женщины в тёмных монашеских одеждах.

У одной был длинный узкий нос и глаза мышиного цвета. У второй —

круглое лицо и тревожный рот. Третья была совсем молоденькая, с таким видом, будто ещё немного — и упадёт в обморок просто оттого, что пациентка заговорила.

Ливия несколько секунд смотрела на них.

Они — на неё.

Потом Ливия медленно сказала:

— Очень смешно.

Никто не засмеялся.

— Кто организовал этот цирк? Джино? Марко? Если это розыгрыш, то клянусь, я их закопаю прямо под фундаментом.

Женщины переглянулись.

— Сестра Ливия... — робко начала круглолицая.

Ливия моргнула.

— Кто?

— Сестра Ливия, хвала Господу, вы пришли в себя, — с облегчением прошептала та, что с узким носом. — Мы уже думали, что горячка снова усилится.

Сестра.

Ливия села так резко, как позволила новая слабость, и тут же зашипела: тело было лёгким, непривычным, но голова кружилась, мышцы дрожали, а в груди першило. На ней была длинная ночная рубаха из грубоватого белого полотна. Руки, которые поднялись к лицу, были не её.

Тонкие.

Узкие.

Нежные, как у девчонки, которая в жизни не таскала мешки с цементом.

Ливия уставилась на собственные — точнее, чужие — пальцы.

— Нет, — сказала она с достоинством человека, которого судьба только что оскорбила особенно изобретательно. — Нет. Нет-нет-нет. Даже не начинайте.

— Сестра Ливия...

— Я вам не сестра. И никому не сестра. У меня максимум двоюродные, и тех я не люблю.

Круглолицая монахиня перекрестилась.

— Боже милостивый...

— Да погодите вы бога звать, я ещё сама не поняла, куда попала.

Она огляделась внимательнее. Маленькая келья или, скорее, монастырская больничная комната. Белёные стены с пятнами сырости. Узкая кровать. Скамья. Стол. Глиняный кувшин. Полка с пузырьками и свёртками трав. У окна — таз и кувшин для умывания. Ни розетки, ни выключателя, ни пластика, ни одного знакомого предмета.

Ливия перевела взгляд на женщин.

Те были одеты слишком честно, слишком всерьёз и слишком не по-карнавальному, чтобы это можно было списать на розыгрыш.

Внутри у неё что-то очень тихо и очень нехорошо опустилось.

— Где я? — спросила она уже без шутки.

Монахини снова переглянулись. Молоденькая, кажется, готова была расплакаться.

— В монастыре Санта-Кьяра, — сказала наконец женщина с узким носом. — В нашей лечебной келье. Вы упали в обморок после службы, у вас был жар

три дня.

Ливия посмотрела на неё, потом на крест, потом снова на неё.

Монастырь.

Санта-Кьяра.

Жар.

Служба.

Она сидела молча секунду.

Потом две.

Потом у неё дёрнулся рот.

Потом ещё раз.

А потом Ливия Беллини начала смеяться.

Сначала тихо. Хрипло. Недоверчиво.

Потом громче.

Потом так, что согнулась пополам, вцепившись в простыню.

— Сестра! — ахнула круглолицая.

— Мадонна пресвятая, — прошептала молоденькая.

А Ливия уже не могла остановиться. Смех бил из неё приступами — злой, ошалелый, совершенно неприличный в комнате, где пахло воском и настоем шалфея.

— То есть... — выдохнула она сквозь смех. — То есть я... — Она всхлипнула.

— Я умерла... на банане... и попала... в монастырь?!

Три пары глаз уставились на неё с ужасом.

Ливия запрокинула голову и расхохоталась снова, уже почти до слёз.

— Господи, — выговорила она, вытирая глаза тыльной стороной слишком красивой маленькой ладони. — Ну спасибо. Я, значит, столько лет пахала, никого не убила, налоги платила, старушкам двери придерживала... и за всё это — монастырь? Да вы там наверху с чувством юмора, конечно, сволочи.

— Она бредит! — пискнула молоденькая.

— Не брежу, а анализирую ситуацию! — отрезала Ливия и снова зажала рот ладонью, потому что её опять накрыло.

Новая мысль ударила ещё сильнее.

Она перестала смеяться, посмотрела на свои руки, потом на тонкие ноги под рубахой.

— Подождите, — сказала она. — Подождите-подождите. Это что... это я ещё и молодая?

Круглолицая монахиня открыла рот.

— Сестра Ливия, вам восемнадцать...

Ливия снова всхрюкнула от смеха.

— Всё. Всё, я больше не могу. Позовите кого угодно. Священника. Палача. А лучше зеркало.

— Зеркало? — переспросила молоденькая, будто услышала слово из языческого заклинания.

— Да, зеркало. Такая вещь, в которую смотрятся. Или у вас тут это тоже греховное излишество?

— Маленькое зеркало есть только в уборной, — тихо сказала круглолицая.

Ливия спустила ноги с кровати. Пол был ледяной.

— Уборная, — повторила она. — Конечно. Где ж ещё человеку встречаться с судьбой, как не в уборной.

Она встала.

И тут же замерла.

Тело было лёгким. Неуклюже непривычным, но лёгким. Голова ещё плыла, колени чуть подрагивали, но в спине не тянуло, ступни не гудели, поясница не ныла, шея не каменела. Она стояла без привычной тяжести собственного веса, и от этого ощущение было такое, будто у неё украли половину земного притяжения.

Ливия осторожно сделала шаг.

Потом второй.

Повернулась.

— Показывайте вашу уборную, — сказала она. — Пока я окончательно не решила, что всё это очень качественный психоз.

Они повели её по коридору.

Каменный пол, стёртый тысячами ног. Белёные стены. Узкие окна. Где-то вдали звякнул колокол. Воздух пах не только воском и сыростью, но ещё хлебом, дымом, мокрой шерстью, старой известью и женским жильём — не современным парфюмом и кондиционером, а мылом, потом, травами, тканью, кипячёным бельём. Монахини встречались им по пути и останавливались, глядя на Ливию так, будто она не человек, а ходячее чудо, которое пока не определилось, благодатное оно или карательное.

Ливия шла медленно, но уже твёрже, и по сторонам смотрела жадно.

Арки. Дворик с колодцем. Галерея. Деревянные лавки. Низкие двери. В углу — корзины с бельём. Всё было старым, настоящим, не декоративным.

Красивым не намеренно, а потому что камень, дерево и свет в любом веке умеют договориться.

Потом одна из дверей открылась, и оттуда повеяло таким запахом, что Ливия остановилась на месте.

— О нет, — сказала она с искренним отвращением. — Нет-нет. Только не говорите, что это оно.

— Это уборная, сестра, — робко подтвердила молоденькая.

Ливия зажала нос двумя пальцами.

— Господи, я лучше на горшок. Стидобища какая... — пробормотала она. — У нас что, вся цивилизация закончилась на входе в это здание?

Круглолицая, кажется, хотела поправить её богословски, но не успела.

Ливия шагнула внутрь.

Помещение было каменным, полутёмным. В стене — узкие проёмы, над ними — деревянные сиденья. Запах стоял убийственный, несмотря на открытые щели и какие-то связки трав, висящие для приличия. На стене и правда висело небольшое зеркало в металлической оправе — мутноватое, не слишком ровное, но достаточное для того, чтобы увидеть лицо.

Ливия подошла.

И замерла.

На неё смотрела девушка.

Тонкое овальное лицо. Кожа светлая, почти прозрачная после болезни. Огромные глаза — светлые, серо-голубые, чистые и холодноватые. Чёткие брови. Маленький прямой нос. Губы мягкие, нежные, с чуть капризным изгибом. Из-под покрывала и небрежно заплетённого шнурами головного убора выбивалась толстая длинная коса густых каштановых волос. Не женщина.

Почти девочка.

Кукольная. Из тех, которых мужчины хотят прятать по домам и выдавать замуж за подходящих союзников.

Ливия моргнула.

Девушка в зеркале моргнула тоже.

Она поднесла к лицу руку. Девушка повторила.

Ливия медленно тронула пальцами щёку. Гладкая. Нежная. Без намёка на возраст, усталость, бессонные ночи и строительную пыль.

Она посмотрела вниз — на тонкую шею, хрупкие плечи под белым полотном.

Потом снова в зеркало.

Потом вдруг оскалилась.

— Да ладно.

И тут её накрыл второй приступ смеха.

На этот раз она уже держалась за стену.

— Нет, — выговорила Ливия, давась хохотом. — Нет, это невозможно. То есть... я была... — Она ткнула пальцем себе в отражение. — Вот это? Вот эта фарфоровая куколка? С косой? В монастыре?

Сзади охнула молоденькая монахиня.

Ливия повернулась к ним, сияя совершенно неподобающим восторгом.

— Вы вообще понимаете, какой это подарок судьбы? — спросила она. — Я была тридцативосьмилетней бабой в жилетке, которая ругалась с поставщиками и ела холодную лазанью над сметой. А теперь посмотрите! Да я же теперь могу молчать — и мне всё равно будут прощать половину преступлений.

— Преступлений?.. — пискнула молоденькая.

— Фигуральных, — отмахнулась Ливия. — Хотя кто знает, как пойдёт.

Она ещё раз уставилась на отражение и с удовольствием дёрнула косу.

— Мадонна, да тут волос больше, чем у меня было с четырнадцати лет. И лицо... — Она склонила голову то так, то эдак. — Ну здравствуй, красавица. Вот уж не думала, что встречу с тобой после смерти.

— Надо позвать лекаря, — шепнула круглолицая другая.

— Лекаря? — раздался холодный, сухой голос от двери. — Какого ещё лекаря?

Все обернулись.

На пороге стояла женщина лет пятидесяти с прямой спиной, худым аристократическим лицом и таким взглядом, что даже запах уборной рядом с ней казался менее суровым явлением. Чёрное монастырское одеяние сидело на ней без складки. Руки были спрятаны в рукава, подбородок поднят ровно настолько, чтобы ни у кого не возникло сомнений, кто здесь власть. На пальце — простой металлический перстень настоятельницы

Ливия посмотрела на неё и мгновенно поняла две вещи.

Во-первых, это местная начальница.

Во-вторых, скучно с этой женщиной не будет.

— Матушка-аббатиса, — пролепетала молоденькая и присела так резко, будто у неё подкосились колени.

— Я задала вопрос, — сказала настоятельница.

— Сестра Ливия... она очнулась... и... ведёт себя странно.